1971 г.

7 6 2

МРТУ 19 №: 183--65

1

студия
ДИАФИЛЬМ

ЮРИЙ
КАЗАКОВ
СКРИП-
СКРИП
ХУДОЖНИК
Ю. ГЕРШКОВИЧ

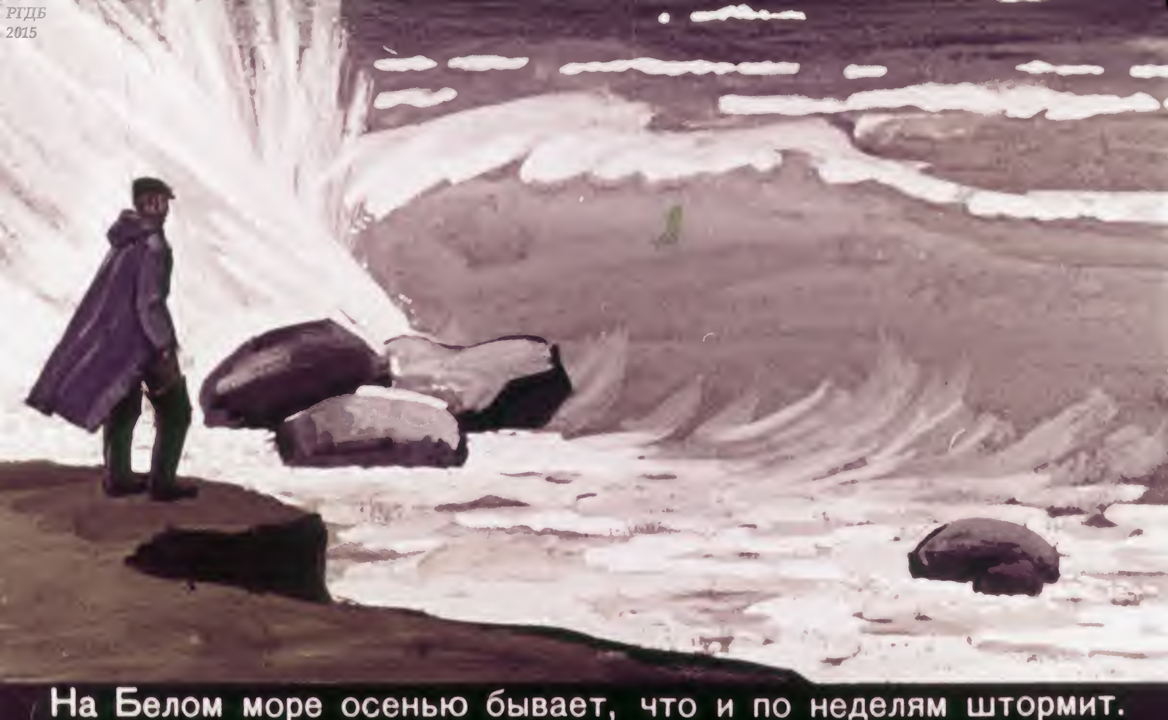
Дело было осенним вечером. Сидели мы с рыбаками на рыбацкой тоне вокруг печки, ухи ждали. Глянул я в окно, смотрю – за окном всё розовое! „Что такое? – думаю. – Ночь, темнота, и вдруг такой свет! Уж не пожар ли?“

Выскочили все на берег моря. А небо над нами, как цветной шатёр. Над самой головой чёрная дыра, а от неё во все стороны розовые лучи расходятся. Северное сияние! — „К холоду это, — сказали рыбаки. — К непогоде!“

А утром проснулись мы от грохота: пал на море шторм. Грязные лохматые волны ходуном ходят, видно даже, как на горизонте дыбом поднимаются.

На Белом море осенью бывает, что и по неделям штормит. Как ни выйдешь на берег, всё одна картина: на песке кучи пены, ветер отрывает от куч комки, катит по песку... Вода в море мутная, всё так же бросается на берег, и северный ветер свистит не умолкая.

На третий день кончился у нас хлеб, и решил я идти за хлебом на маяк за тридцать километров. Оделся потеплее, натянул свой верный плащ, вскинул на спину большой пестерь – и пошёл.

Шёл я берегом. Море справа, лес слева. Я всё на лес погля-
дывал — на море-то смотреть скучно.

А в лесу, понизу, беловатый мох ягель, тёмно-зелёные лакированные листики брусники, красные пятна травы лепесточками, светло-зелёные островки стелющегося вереска. А вверху берёзы золотятся и горит красным бархатным цветом рябина.

А то вдруг подступят скалы к самому морю, стоят стеной, и если тут лечь, то головой в стену упрёшься, а ноги в воду уйдут — так узко! По таким местам я бегом мчался, но меня всё равно волной захлёстывало, и скоро я так промок, что уж и не спасался.

Только к вечеру дошёл наконец я до маяка, на котором переночевал и обсушился. 10

А на другое утро нагрузил пестерь свежим хлебом — восемь буханок взял — и тронулся в обратный путь. Вместе со мной пошёл Коля, сын смотрителя маяка. К дяде в колхоз шёл. Маленький такой, лет семь ему, а идёт смело и ничего не боится.

– „Как же ты, – спрашиваю, – в такую даль идёшь? Ведь не дойдёшь, устанешь!“ – „А чего! – говорит. – Я уж не в первый раз. На тонях у рыбаков ночевать буду. – Потом на море посмотрел, подумал и говорит: – Чего нам берегом идти, в волнах мокнуть? Пошли горами, тут тропка есть, я знаю“.

И пошли мы горами. Целый день шли в тишине из ущелья в ущелье, слушали, как рябчики свистят, и так хорошо нам было, что хоть всю жизнь так идти!

А вечером вышли ущельем к морю, к старой заброшенной избушке. Никто в ней давно не жил.

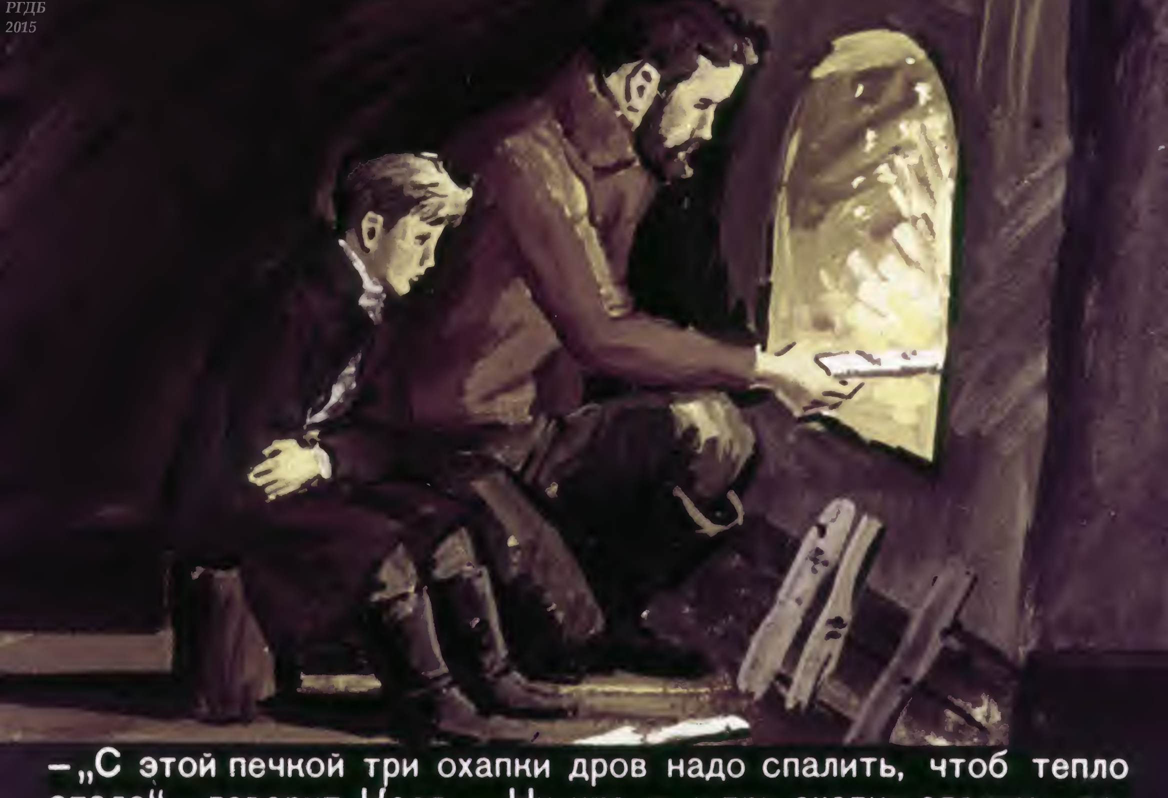

Мы отомкнули её и вошли. Внутри было холодно, а на потолке сажа в два пальца толщины, хлопьями, лохматая.

Разыскали мы чайник. Набрали воды в ручье, развели возле избушки костёр

и решили ещё печь протопить, чтобы не холодно было спать.
17

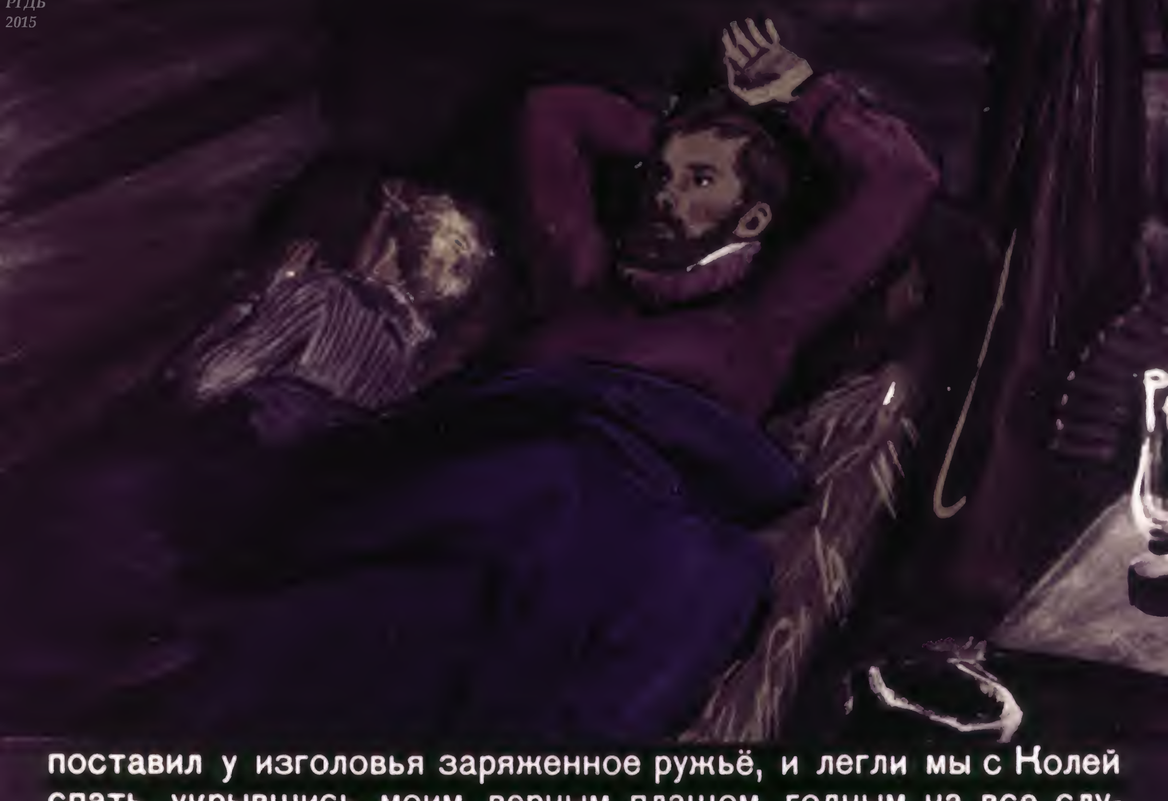
–„С этой печкой три охапки дров надо спалить, чтоб тепло стало“, – говорит Коля. – „Ну что ж, и три охапки спалим, – говорю и ещё дров подкладываю. – Зато как спать-то будем!“

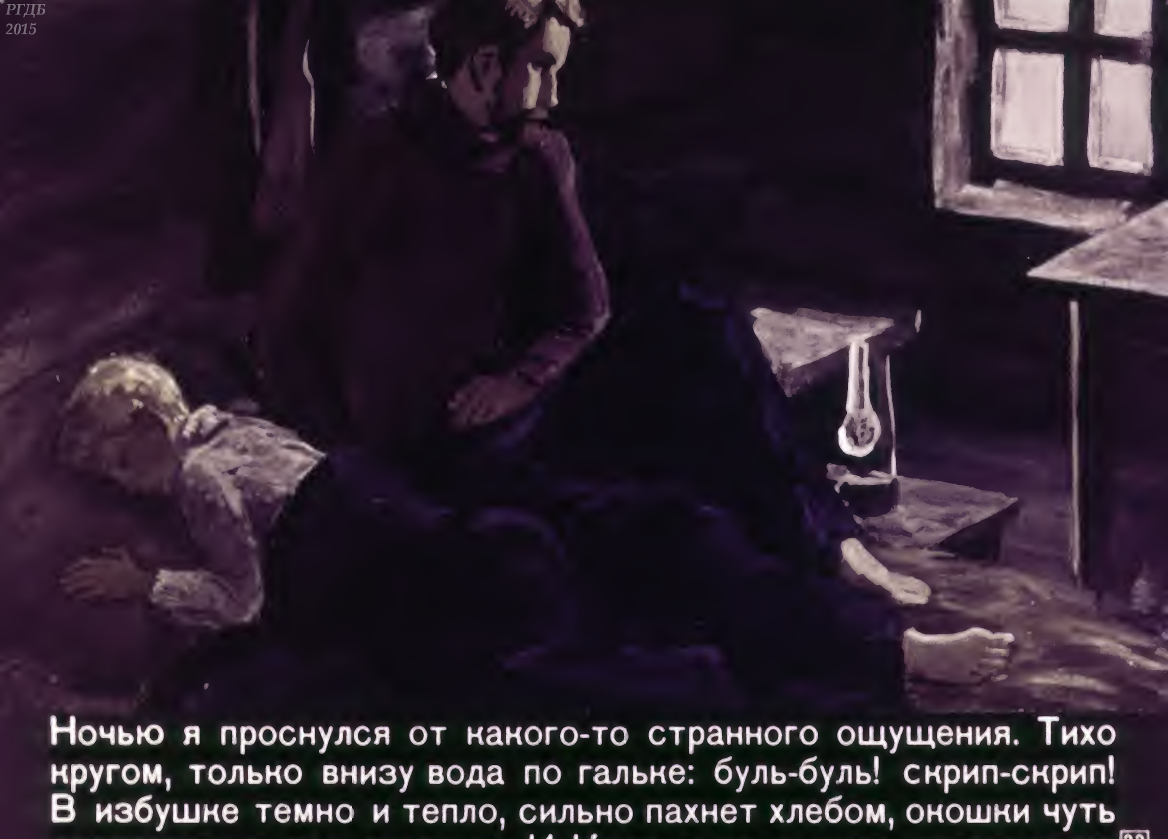
Печь всё-таки нагрелась, дрова разгорелись, дым полегчал, а мы чай пить сели. Сидим, пьём, говорим о разных разностях, море слушаем, как оно в берег бьёт. Море внизу гремит, а нам тепло, лампочка керосиновая горит, на столе кружки с чаем, хлеб да сахар—хорошо!

Потом дым совсем вытянуло, встал я, закрыл наверху отдушину, заложил палкой дверь,

поставил у изголовья заряженное ружьё, и легли мы с Колей спать, укрывшись моим верным плащом, годным на все случаи жизни.

Ночью я проснулся от какого-то странного ощущения. Тихо кругом, только внизу вода по гальке: буль-буль! скрип-скрип! В избушке темно и тепло, сильно пахнет хлебом, окошки чуть светлеют на две стороны. И Коля тихо дышит, посапывает.

Потом и он проснулся вдруг и сел. – „О! – говорит. – Как тихо! Сколько дней гремело, а тут тихо...“ – „Может, – говорю, – чаю попьём?“ – „Давай! – говорит Коля. – И света не станем зажигать“.

Пошёл я к печке, заслонку отодвинул – в печке у нас чайник стоял – пахнуло на меня сухим теплом. Вытащил я чайник, а он горячий.

Сели мы с Колей на лавку, пьём чай, на окошки смотрим, молчим... А снаружи всё: скрип-скрип! буль-буль! — „Слышишь, — спрашиваю тихо, — как волна по гальке скрипит?“

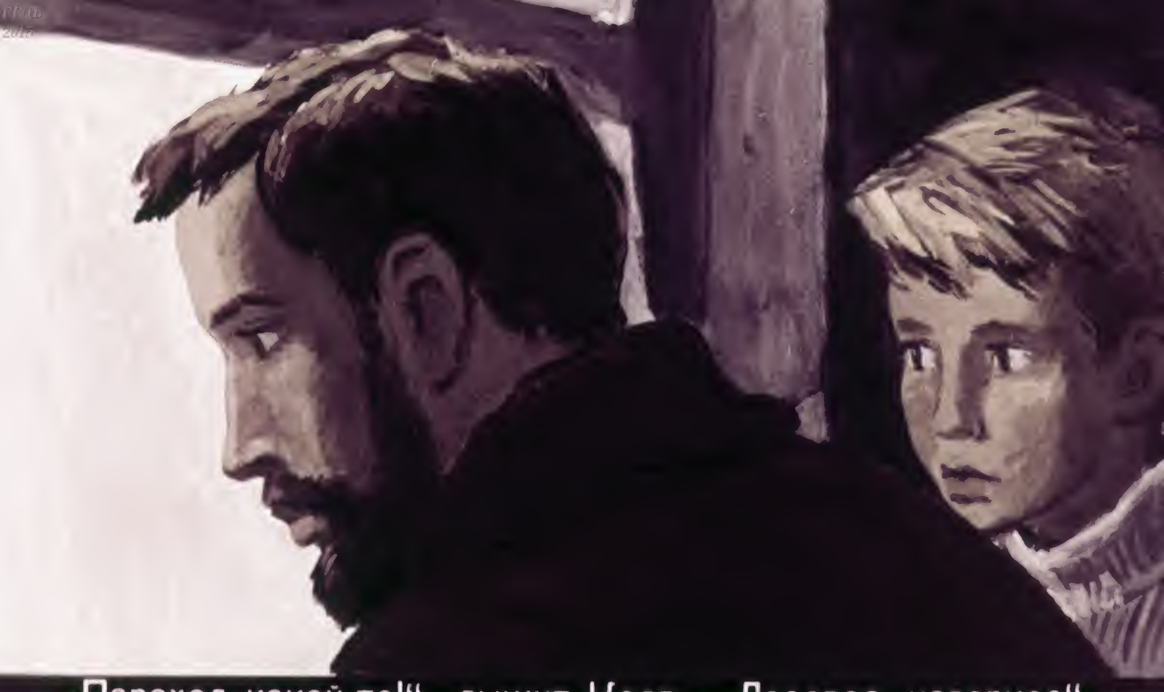
–„Ой! Это и не волна вовсе... Это кто-то ходит снаружи!“ – шёпотом говорит Коля. Прислушался я,– верно, ходит кто-то, а по звуку похоже на волну: скрип-скрип! – „Человек?“ – спрашивает Коля. – „Откуда тут человек!“ – „Так кто же?“

Выглянул я в окошко. Потихоньку так по лавке подвинулся и выглянул. И Коля ко мне прижался, тоже в окошко смотрит, и оба еле дышим, обоих дрожь начинает пробирать.

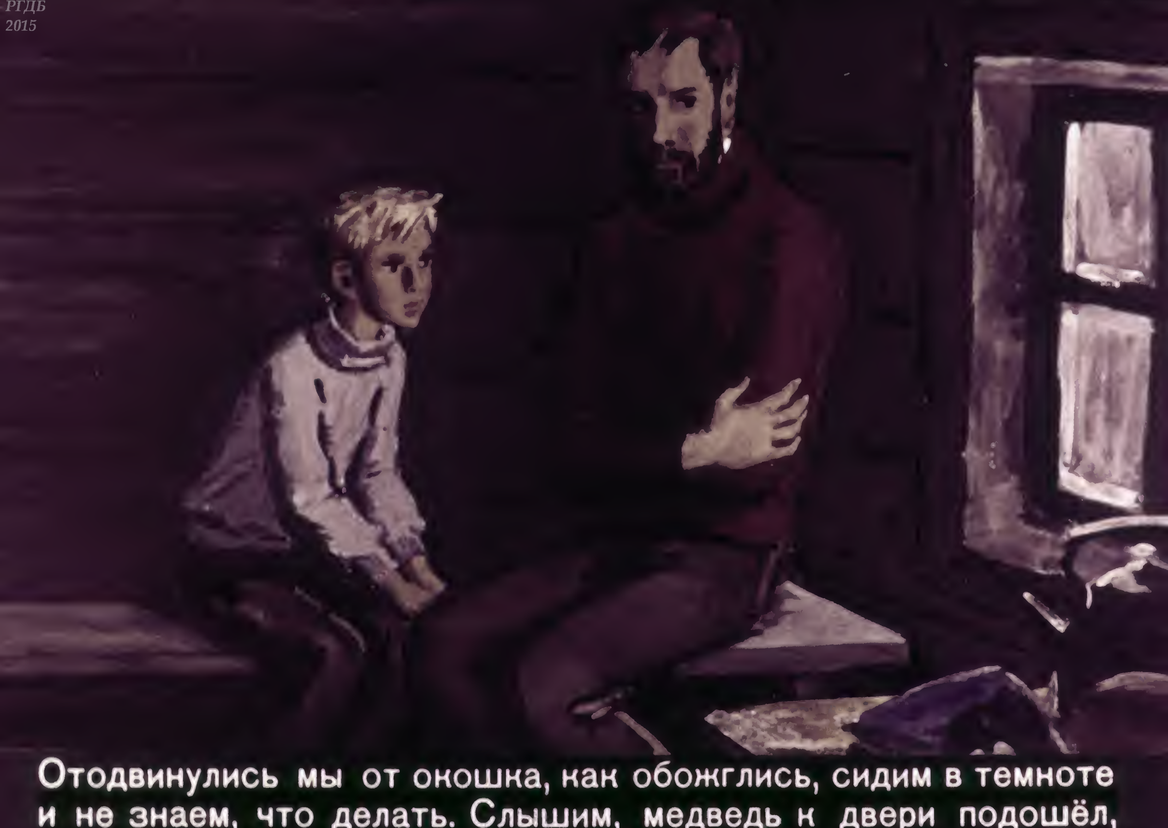

Только мы выглянули, сразу увидели море. Оно было туманно-светлым. Опять полыхнуло наверху северное сияние. За облаками его не было видно, но свет его всё-таки освещал море. А на горизонте, как иголкой проколоты, горели два огонька: зелёный и белый.

– „Пароход какой-то!“ – дышит Коля. – „Лесовоз, наверное“, – шепчу я. – „Или траулер“, – догадывается Коля. – „А может, шхуна?“ – „Норвежская? – предполагает Коля. – Ой! Гляди! Что это?“ – Глядим – большое тёмное пятно рядом с избушкой. То двинется, то остановится.

И когда двинется, то еле слышно: скрип-скрип... Медведь!
30

Отодвинулись мы от окошка, как обожглись, сидим в темноте и не знаем, что делать. Слышим, медведь к двери подошёл, молчит, только нюхает громко.

Потом лапой карябнул по двери...

– Дядь! – шепчет Коля. – А ружьё-то! – Подошёл я на цыпочках к нарам, взял ружьё, взвёл курок, да одумался. Ружьё дробью заряжено, на рябчика. Чего уж тут!

Медведь услыхал движение, заворчал и сразу отошёл от двери. Но далеко от избушки не ушёл, а всё поскрипывает около.

–„Чего это он?“–спрашивает Коля.–„Хлеб,–говорю,–хлебом из избушки вкусно пахнет...“–„А давай ему хлеба дадим!“–„Как?–спрашиваю.–Как же ты ему дашь?“–„А вот как: вы окошко откроете, а я кину ему буханку“.

Подумал я: почему бы и не дать? Хлеба не жалко – море успокоилось, завтра мотодоры поедут по тоням, привезут и хлеба и всего... – „Давай!“ – говорю. Взял Коля буханку и бросил в окно.

Медведь подкрался, хрюкнул, схватил—и бегом прочь!
37

Минут через пять вернулся и уже прямо к окошку подошёл. Стоит и поскуливает — ещё просит.

–„Ой-ой-ой!–говорит Коля.–Какой хитрый! Давай ещё кинем!"–
„Кидать так кидать!"–говорю.

И ещё кинули. На этот раз медведь даже на лету поймал и опять убежал.

Но тут мы всё-таки устали, и сморило нас в сон. Может, медведь опять приходил, но мы ничего не слыхали, спали крепко. 41

КОНЕЦ

Редактор Н. Мартынова
Художественный редактор А. Морозов

Д-014-71
Студия „Диафильм", 1971 г.
Москва, Центр, Старосадский пер., д. № 7

Цветной 0-30